

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-107-113>

УДК 008

ББК 71

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. М. Н. Жиленко

г. Москва, Россия

© 2022 г. Ж. А. Береснева

г. Москва, Россия

ЯЗЫКИ КУЛЬТУР: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация: Язык выступает необходимым элементом коммуникативных процессов и обеспечивает формирование культуры и трансляцию социально значимого знания. Язык, культура и общение неотделимы друг от друга и составляют основу человеческого бытия. Внимательное отношение к явлениям обыденной жизни позволяет выявить их знаковую природу и определить многочисленные явления культуры повседневности в качестве своеобразных языковых систем, дающих наглядное представление об эстетических, этических, ценностных и прочих особенностях той или иной эпохи. Значимым источником наших представлений о повседневной жизни того или иного народа выступает путевая проза, предоставляющая богатый фактический материал о людях, их облике, исторических реалиях и т. д. В частности, жанр путевых заметок содержит немало интересных сведений о костюме, который, наравне с прочими явлениями обыденной культуры, может выступать в качестве своеобразной знаковой системы или языка, транслирующего информацию не только о своем владельце, но и о целой эпохе. В качестве примера можно привести путевые очерки И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», в одной из глав которых костюм становится своеобразным коммуникативным кодом в общении с чужеземцами.

Ключевые слова: культура, коммуникация, языки культур, культура повседневности, путевые заметки, костюм.

Информация об авторах:

Мария Николаевна Жиленко — кандидат культурологии, доцент кафедры славяноведения и культурологии, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский проезд, д. 6, 129337 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1196-4935> E-mail: zhylenko@mail.ru

Жанна Александровна Береснева — старший преподаватель кафедры славяноведения и культурологии, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский проезд, д. 6, 129337 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-2284> E-mail: zhanna-beresneva@yandex.ru

Дата поступления: 27.09.2021

Дата одобрения рецензентами: 18.12.2021

Дата публикации: 28.03.2022

Для цитирования: Жиленко М. Н., Береснева Ж. А. Языки культур: от теории к практике повседневности // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 107–113.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-107-113>

Проблемы взаимодействия языка и культуры издавна привлекали внимание представителей разных областей знания. Понятия «язык» и «коммуникация» относятся к числу фундаментальных в науках о человеке и, бесспорно, выступают одним из основных объектов культурологического исследования.

Язык является необходимым элементом коммуникативных процессов, без которых невозможно становление и развитие культуры. В определенном смысле именно общение выступает одной из предпосылок бытия культуры, и признание органической связи между культурой и коммуникацией составляет одну из основ современного гуманитарного знания. Так, отмечая коммуникативную наполненность социокультурной реальности, советский ученый Ю. М. Лотман писал: «...культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются» [4, с. 6]. Его зарубежный коллега К. Черри в своей получившей широкое признание книге «Человек и информация» подчеркивает, что коммуникация — это прежде всего социальный факт, поскольку она формирует социокультурную реальность и делает возможной социальную жизнь. Находясь в состоянии коммуникации, продолжает он, не означает просто передавать и получать информацию. По его словам, в процессе коммуникации образуется коммуникативное сообщество, для которого ключевыми являются отношения единства, взаимосвязи и взаимопонимания. Само слово «коммуникация», по свидетельству К. Черри, означает буквально «участие», и именно в той мере, в какой человек в данный момент находится в состоянии коммуникации, он соучаствует в жизни общества, формируя его единство. Поэтому, по мнению ученого, группу людей, общество и культуру в целом правомерно определять как «людей в состоянии коммуникации» [7].

Коммуникативные процессы выступают основой и универсальным условием человеческого бытия, поскольку оно никогда не предстает как изолированное от окружающего мира. Человек не может полностью раскрыть свои возможности, не соотнося себя с другими людьми, не вступая в диалог с реальностью вокруг себя. Поэтому исследование комплекса проблем коммуникации в широком смысле слова является одним из возможных путей познания социальной, культурной сущности человека. И дело здесь отнюдь не только в том, что в конечном счете любое общественное отношение выражается и фиксируется в языковых формах. И не только в том, что «поведение индивидуумов определяется сообщениями, поступающими из окружающей среды» [6, с. 102]. Дело в том, что личность отдельного человека формируется под влиянием разнообразных коммуникативных воздействий со стороны общества, и потому само общение часто понимается как процесс социализации и инкультурации индивида, его приобщения к социальной жизни в целом и миру конкретной культуры. Коммуникация выступает в качестве универсального «механизма», обеспечивающего взаимодействие людей и, соответственно, воспроизводство и трансляцию социокультурных норм и образцов такого взаимодействия.

Одним из итогов внимания к проблемам общения оказывается признание коммуникативного характера культуры и ее определение как «совокупности ненаследственной информации» [5, с. 30]. В определенном смысле любой культурный объект

или процесс обладает символическими свойствами и в силу этого является культурным текстом, что, в свою очередь, означает, что пространством коммуникации выступает вся человеческая культура. Действительно, всякое социокультурное действие, процесс или объект может быть представлено как коммуникативное, т. е. как содержащее и транслирующее некую информацию. С категорией информации, в свою очередь, тесно связано понятие знака — базисной единицы семиотических наук. Так, оказывается, что практически каждый объект культуры может стать предметом изучения семиотики, рассматривающей любое явление в качестве знака или знаковой системы, т. е. определенного языка. Очевидно, что знаковой природой обладают и многочисленные элементы культуры повседневности.

Повседневная культура — одно из интересных и популярных направлений в гуманитарном знании; она подчас, как зеркало, отражает замысловатые поиски смысла и дальнейших путей развития специализированной культуры. История повседневности относительно недавно стала предметом научных поисков, и сегодня ее по праву можно считать особой совокупностью знаковых систем, языков культуры, выражающихся в разнообразных деталях быта, костюма, поведения людей. Но кажущаяся очевидность и простота явлений повседневной жизни совсем не исключает ценностей и смыслов, проявляющихся в обыденной практике. Она, с одной стороны, является устойчивой частью жизни человека и культуры общества в целом и строится на повторяемости и предсказуемости, но, с другой стороны, связана с творческой активностью человека, его личным переживанием существующего известного мира. По сути своей каждый человек в повседневной жизни является активным деятелем, творящим новые смыслы. Повседневность в этом случае — это своеобразный способ «обживания» пространства.

Примером такого «обживания» можно назвать литературный жанр путешествия, имеющий бытовой, нарративный характер. Произведения в этом жанре чаще всего писались непрофессионалами, подражающими классическим высоким жанрам в литературе. Безусловно, здесь были свои законодатели — это Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, А. Н. Муравьев, И. А. Гончаров, но и они воспринимали этот жанр как некую свободную от строгих правил модель, которая давала им возможность выразить совершенно нетривиальные мысли. Путевая проза — это своеобразные СМИ XVIII–XIX вв., благодаря которым в читательский мир попадали новые идеи, смыслы, ценностные представления, выраженные в художественных деталях и героях сюжетов. Путешественник сам становился их проводником и коммуникатором.

Путевая проза в силу своей литературной специфики чаще всего являлась предметом анализа литературоведов, однако сегодня она начинает входить в корпус культурологических текстов, поскольку создает своеобразный бытовой язык не только повседневной культуры, но язык, ценностно связанный со всеми явлениями конкретной эпохой. Здесь, на страницах путевых заметок, по сути происходит апробация новых идей и практик общения между отдельными индивидами, цивилизациями, усвоение новых поведенческих стереотипов и культурных норм. Сам жанр можно назвать явлением массовой культуры XVIII–XIX вв., поскольку его контекст (сюжет, герои, некоторые понятия) повторяются у разных авторов.

В литературоведении язык путевой прозы стал предметом исследования достаточно давно. При этом преимущественное внимание в подобном исследовании уделяется художественным деталям произведения, определяемым в качестве некоей выразительной подробности, с помощью которой создается образ героя или сюжет. Однако художественная деталь может немало рассказать нам не только о герое, но и, едва ли не больше, об эпохе и конкретной культуре. Путевая проза как литературный жанр

богата подобными деталями, имеющими смысловой характер элементов языка культуры повседневности.

В качестве наиболее яркой художественной детали в путевой прозе выступает костюм. Пожалуй, мало какая деталь может так четко и наглядно охарактеризовать самого героя, его собеседников и собственно культуру общества. Костюм, выполняющий, наряду с эстетической и различными утилитарными, также и коммуникативную функцию, обладает бесспорной знаковой природой и является одним из множества возможных языков культуры. Однако для того, чтобы определить народный костюм в качестве языковой системы, необходимо уточнить, что само понятие «язык», наряду с вербальными выразительными средствами, включает в себя также и невербальные компоненты. Последние и составляют основу знаковой структуры костюма. Так, покрой, цвет, материал, вышивка того или иного предмета одежды обладают вполне конкретным смыслом и транслируют в невербальной форме определенную информацию о своем владельце: его социальном статусе, положении в обществе, достатке, национальной принадлежности и т. д. В этой связи костюм может также служить весьма значимым историческим источником в области культуры повседневности того или иного народа.

Будучи особым языком культуры, костюм с наибольшей точностью выражает время и конкретные реалии культуры, а также особое отношение автора к происходящему вокруг. Описание костюма используется авторами-путешественниками не только как художественная деталь, но и как стилистический прием, яркая метафора, характеризующая авторское отношение к окружающей действительности и миру в целом, она формулирует своеобразный авторский замысел. Как правило, вместе с описанием быта и традиций культуры в путевой прозе мы встречаем описание колоритных героев своего времени, отмеченных двумя-тремя яркими деталями костюма. В связи с этим мы можем говорить о символичности и семантической костюма, имеющего целый ряд функциональных черт и характеристик. Костюм в путевой прозе отражает не только самого героя, но и те ценности, которыми он руководствуется. Это те эстетические и нравственные идеалы, которые господствуют в соответствующем времени и культуре.

Сам костюм имеет знаковую для своего времени и места природу. «Одежда указывала на национальную и сословную принадлежность человека, его имущественное положение и возраст и т. д. С течением времени увеличивалось число понятий, которые можно было донести до окружающих цветом и качеством ткани, орнаментом и формой костюма, наличием или отсутствием каких-то деталей», — утверждает исследователь костюма Р. М. Кирсанова [3]. Костюм отражает вкусы и привычки человека в определенных условиях, другими словами, это внешнее проявление определенных черт той или иной культуры.

Как знаковая система костюм, говоря словами Ю. М. Лотмана, имеет несколько функций: утилитарную (выраженную собственно в потребности человека себя согреть и защитить), эстетическую (выраженную в особых эстетических требованиях времени и страны), но на самом глубоком уровне одежда выполняет еще и идентификационную функцию (заявляет о собственном своеобразии) [4]. Она тесным образом связана с осознанием единства определенной группы людей, а также с четким осознанием «своих» и «чужих» границ. Это чаще всего можно встретить в описании национальных костюмов. В качестве примера можно привести путевые очерки И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». В одной из глав, посвященной заграничному миру, костюм стал таким символом коммуникации: «Увижу новое, чужое и сейчас перекину на свой аршин» [1].

Говоря о костюме как о знаковой системе и особом языке культуры, нужно также иметь в виду и конкретные знаково-символические характеристики культуры определенного времени и места. Так, например, И. А. Гончаров описывает образ англичанина — носителя цивилизации: «...не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонического огня в глазах, не с мечем, (явно не культурный герой) не в короне, а просто в *черном фраке, в белом жилете, с зонтиком в руках*» [2] — эта довольно прозаическая характеристика, данная путешественником, становится нарицательной для любого европейца, возмнившего себя властелином мира. Он, продолжает Гончаров, повелевает народами, кораблями, пушками, двигает необъятными естественными силами природы, «везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой». Этот образ европейца, «роющегося в ветоши», человека, который проникает и внедряется в другую культуру, «в чужой сундук», и достает из этого сундука все, что «придется ему впору...» [2].

Этот образ — определенный символ времени, но вместе с тем благодаря костюму он формирует стереотип отношения к нации в целом: «И опять возвращаемся к образу англичанина. Вот он, поэтический образ, в *черном фраке, в белом галстуке, обритый, стриженный, с удобством, т. е. с зонтиком под мышкой*, выглядывает из вагона, из кеба, мелькает на пароходе, сидит в таверне, плывет по Темзе, бродит по музеуму, скачет в парке» [2]. Костюм в данном контексте в совершенно другом ключе, лишенном оценочной позиции, показывает нам сформировавшийся национальный типаж, психологическую ментальную характеристику целого народа.

Явно читаемый и, скорее, архетипичный образ простого человека — творца современной культуры — встречается у И. А. Гончарова в народных типажах: матросах с корабля «Паллада» или английских матросах, встречаемых в порту. Именно за ними — будущее, считал писатель. Они обладают правдой жизни и вносят ясность в происходящее: «...простой английский лоцман, в синей куртке, кожаных панталонах, с красным лицом» [2] и его матрос Фадеев, который «внес на чужие берега свой костромской элемент и не разбавил его ни каплей чужого» [2]. «Костромской элемент» в данном случае выступает как синоним ментальности. И писателю жаль портить это «костромское простодушие европейской цивилизацией». Так, простота костюма равноценна простоте нравов, и костюм как бы отсылает нас к определенным кодам культуры, связанным с ее архетипичными основаниями.

Если свой родной костюм четкий и понятный, не требует пояснений, и поэтому мы практически не встретим у И. А. Гончарова его описания, то костюм европейца — это четкие детали-символы, дающие определенную характеристику нации. Однако есть и еще один типаж — азиат. Этот костюм И. А. Гончаров прописывает в деталях с подробностями, связанными с социальным статусом владельца, его возрастом, кругом его обязанностей. Здесь он подмечает все: цвет, способ ношения, мельчайшие детали, все как будто под микроскопом: «Двое были одеты бедно: на них была синяя верхняя кофта, с широкими рукавами, и халат, туго обтянутый вокруг поясницы и ног. Халат держался широким поясом. А еще? Еще ничего; ни панталон, ничего...» [1]. Костюм азиатских народов непонятен, незнаком, в отличие от европейского; поэтому его сложно интерпретировать, и от костюма и нравов И. А. Гончаров сразу переходит к концептуальным заключениям относительно развития данной цивилизации, которая, по его мнению, в силу своей замкнутости уже состарилась. В его путешествии мы увидим рассуждения о типах не только костюмов, наций, но и цивилизаций.

Костюм, его цвет выступают как метафора явлений и процессов, происходящих в мире. Так, побывав в Якутии, писатель скажет: «Красная тряпка на столе под

образами решительно начинает преобладать и намекает на Европу и цивилизацию» [2]. Интересно в этом контексте сравнение столицы европейского государства и сибирского городка: «Мухтуй — называют здесь Парижем, потому что крестьяне (из ссыльных) ходят в пальто и танцуют кадрили» [2].

Концептуально повседневная культура обладает множеством смыслов и символических форм и значений, которыми надделено пространство, окружающее человека, но в художественной литературе, примером которой является жанр путевых заметок, эти смыслы аккумулируются, отбираются автором по особым критериям читательской привлекательности (не секрет, что многие авторы описывали свои путешествия уже после приезда домой, тщательно подбирая материал и создавая сюжетную линию). И если совсем недавно под повседневной культурой понимали явления обыденной жизни, то сегодня она приобретает более глубокие смысловые коннотации. Языками повседневной культуры выступают не только бытовые детали, но и все виды коммуникации, стереотипы поведения и общения, обыденное сознание в целом, и, конечно, костюм, который в данном контексте приобретает свое собственное особое звучание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в 2 т. Т. 1 // Az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0082.shtml (дата обращения: 20.09.2021).
- 2 Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в 2 т. Т. 2 // Az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (дата обращения: 20.09.2021).
- 3 Кирсанова Р. М. Розовая ксандарейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX в. М.: Книга, 1989. 212 с. URL: <https://coollib.net/b/538718/read> (дата обращения: 20.11.2021).
- 4 Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
- 5 Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры // Учебные записки Тартуского университета. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1967. Вып. 198. С. 30–38.
- 6 Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие / пер. с фр. М.: Мир, 1966. 352 с.
- 7 Черри К. Человек и информация. М.: Связь, 1972. 367 с.

© 2022. Maria N. Zhylenko
Moscow, Russia

© 2022. Zhanna A. Beresneva
Moscow, Russia

THE LANGUAGES OF CULTURE: FROM THEORY TO EVERYDAY LIFE PRACTICES

Abstract: Language is an essential part of communication – it forms culture and provides it with transferring of social knowledge. Language, culture and communication are inseparable from each other and are the basis of human existence. Thorough approach to everyday life practices makes it possible to reveal their sign character and define them as specific language systems which give clear vision of aesthetic, ethical etc. peculiarities

of a given epoch. Travel notes are an essential resource of our knowledge about everyday life of the nation. They offer us rich material about people, their appearance, historic events etc. Among other details travel notes contain a lot of interesting data about costume which can be regarded as a special sign system, language of culture, delivering information not only about its owner, but the whole epoch as well. The paper chose as an example the travel notes “Frigate *Pallade*” by I. A. Goncharov. In one of its chapters costume becomes an original communicative code for intercultural interaction.
Keywords: culture, communication, languages of culture, everyday life practices, travel notes, costume.

Information about the authors:

Maria N. Zhylenko — PhD in Culturology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University, Khibinsky pass., 6, 129337 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1196-4935> E-mail: zhylenko@mail.ru

Zhanna A. Beresneva — Senior Lecturer of the Department of Slavic Studies and Cultural Studies, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University, Khibinsky pass., 6, 129337 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-2284> E-mail: zhanna-beresneva@yandex.ru

Received: September 27, 2021

Approved after reviewing: December 18, 2021

Date of publication: March 28, 2022

For citation: Zhylenko M. N., Beresneva Zh. A. The languages of culture: from theory to everyday life practices. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 63, pp. 107–113. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-107-113>

REFERENCES

- 1 Goncharov I. A. *Fregat “Pallada”. Ocherki puteshestviia v 2 t.* [Frigate “Pallada”. Travel essays in 2 vols.], vol. 1. Az.lib.ru. Available at: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0082.shtml (accessed 20 September 2021). (In Russian)
- 2 Goncharov I. A. *Fregat “Pallada”. Ocherki puteshestviia v 2 t.* [Frigate “Pallada”. Travel essays in 2 vols.], vol. 2. Az.lib.ru. Available at: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (accessed 20 September 2021). (In Russian)
- 3 Kirsanova R. M. *Rozovaia kсандareika i dradedamovyi platok. Kostium — veshch' i obraz v russkoi literature XIX v.* [Pink xandareika and a draped shawl. Costume — the thing and the image in Russian literature of the 19th century]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 212 p. Available at: <https://coollib.net/b/538718/read> (accessed 20 September 2021). (In Russian)
- 4 Lotman Iu. M. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: The life and traditions of the Russian nobility (18 – early 19 century)]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1994. 399 p. (In Russian)
- 5 Lotman Iu. M. K probleme tipologii kul'tury [To the issue of typology of culture]. In: *Uchebnye zapiski Tartsskogo universiteta* [Scientific notes of the University of Tartu]. Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta Publ., 1967, vol. 198, pp. 30–38. (In Russian)
- 6 Mol' A. *Teoriia informatsii i esteticheskoe vospriiatie* [Information theory and aesthetic perception], translated from French. Moscow, Mir Publ., 1966. 352 p. (In Russian)
- 7 Cherri K. *Chelovek i informatsiia* [Man and information]. Moscow, Sviaz' Publ., 1972. 367 p. (In Russian)